

Едва Цинь Моянь вышел за дверь.

[Динь... Значение раскаяния главного героя собрано]

[Поздравляем хозяина, значение раскаяния главного героя □1]

Чжи Янь, прикинувшийся мертвецом на кровати, опешил с совершенно одурманенным лицом: — Чего? Взъерошенная, это у моего маленького милашки мозги набекрень или у тебя баг?

[Господин, вовсе нет. Согласно проверке этой системы, Цинь Моянь переродился]

Я просто великолепна, светоч мира систем!

— Твою ж, этот бог только собрался как следует его избить, а теперь он тут устраивает мне двойной переворот! Если следовать сценарию, разве это не должна быть трагическая любовь до гроба со всеми вытекающими?

Ладно, для начала этот бог сгладит отношения с маленьким милашкой, а потом разберется с этим Лу Моу. Нет, раз маленький милашка переродился, лучше оставить это ему. Одумайся, Взъерошенная, сейчас я ударюсь о край стола, сделай мне всё посерьезнее, пусть побольше крови, лишь бы амнезию вызвало!

[Х... хорошо, Господин] — внезапно система почувствовала, что Господин ужасен.

Спустя совсем немного времени слуга, приносивший еду, увидел лежащего на полу окровавленного юношу и со всех ног бросился докладывать Цинь Мояню: — Господин, беда! Человек внутри покончил с собой!

Человек, занимавшийся делами, мгновенно сорвался с места, услышав, что кто-то покончил с собой.

Он и вправду меня ненавидит... — Он очнулся? Что?! Покончил с собой? Так чего же вы стоите, немедленно зовите врача! — Суета и паника, наконец-то всё уладили.

Даже закадычного друга Цинь Мояня примчали экстренным вызовом. Цзы Мин обработал раны юноши на кровати и аккуратно замотал их бинтами.

После этого он с серьезным выражением лица сказал Цинь Мояню, ожидавшему снаружи: — Послушай, братец, ты хочешь его смерти или ты хочешь его смерти? Нанести такой тяжелый удар, замучить до такого состояния живого человека.

Цинь Моянь хранил молчание. Всё, через что прошел юноша, действительно было его виной, его рук делом. Борьба, паника, страх, раскаяние и прочие эмоции захлестнули его сердце, грозя перерасти в безумие. Подавив все чувства и напустив на себя вид напускного спокойствия, он спросил: — Как он?

Цзы Мин изобразил на лице предвкушение зрелища: — Смотря по обстоятельствам. Возможно, он никогда не очнется, возможно, потеряет память, а возможно, превратится в дурачка.

Чжи Янь, тайком наблюдавший за их диалогом в прямом эфире, мысленно взвыл: — Сам ты дурачок, еще смеешь проклинать этого бога! Мой маленький милашка из-за такого точно не отупеет? Взъерошенная, ты, вредительница, столько крови напустила — хочешь до смерти напугать моего маленького милашку, чтобы унаследовать мой божественный сан?!

Взъерошенная Система молча забилась в угол: — И-и-и, как же страшно ((|||)).

— Ты не хочешь пойти порубить дров?

Цзы Мин недоумевал: разве его закадычный друг еще недавно не проявлял излишнего внимания к молодому господину из семьи Лу, а теперь в мгновение ока словно переменялся в лице? — Эй-эй, потише, потише, братец, я изо всех сил старался. Может, заглянешь внутрь?

Затем он втолкнул Цинь Мояня в комнату, захлопнул дверь и сбежал с невероятной скоростью вместе со всей толпой слуг.

Цинь Моянь подошел к кровати и, глядя на юношу, не мог выразить словами то, что творилось у него на душе. Он просто продолжал смотреть на него, отчего лежавший на кровати человек чувствовал себя как на иголках, и в конце концов, сам не зная как, заснул, вцепившись ему в руку.

Утром следующего дня Чжи Янь решил, что настало время пустить в ход настоящее мастерство. Он пошевелил пальцем, за который его держали, и потревожил сидевшего у постели человека: — Мяэ-мяэ, ты очнулся? Как самочувствие, голова не болит?

Юноша хлопал наивными водянистыми глазами и невинно протянул: — М-м... Ты кто такой? — в то время как внутри него бушевала буря издевательских мыслей: «Какая я тебе мяэ-мяэ, базарить разучился? Если бы не то обстоятельство, что ты мой маленький милашка, я бы тебя уже давно отметелил!»

Цинь Моянь внешне не подал виду, но внутренне вздохнул: «Ох, ничего не помнит? Ну и отлично, лишь бы не отупел!» Он молча сжал кулаки, давая себе обещание, что даже если тот станет дурачком, он будет баловать свою Мяэ-мяэ всю жизнь.

Можно начать всё сначала, Небеса всё же не обделили его, подарив шанс исправить ошибки.

— Я твой дорогой Цинь Моянь, тебя зовут Лу Ме, мы безумно любим друг друга, но ты озорничал, ударился головой и скатился с лестницы, поэтому ты меня не помнишь... и так далее, и тому подобное... Чжи Янь мысленно выразил крайнее недоверие: если бы у меня не было на руках сценария, я бы и вправду поверил твоим бредовым сказкам! Ну давай, бесись и куролись, времени у нас вагон, давай причинять друг другу боль!

Услышав это, юноша протянул палец и легко потыкал человека у края кровати:

— Ой... неужели это так? Тогда можно я буду называть тебя Момо? Раз ты мой любимый, то я — твоё маленькое сокровище? Значит, ты должен звать меня сокровищем, понял?

На самом деле я ни за что не признаюсь тебе, что мне просто-напросто осточертело прозвище Ме-ме.

Прихватив озорной палец юноши, он нежно поцеловал его:

— Мм, сокровище. Мое вечное сокровище. Хорошо, пусть будет так, мне нравится любое имя, которым ты меня назовешь.

— Ну а раз твоё сокровище теперь проголодалось, что ты должен сделать?

Цинь Моянь повел себя крайне сообразительно: он аккуратно одел парня, взял на руки и понес вниз, в гостиную:

— Отвести мое сокровище кушать.

Господин, а ведь этот ваш трюк с потерей памяти сработал просто великолепно! Вы разом пропустили всю эту мыльную оперу в духе «ты меня ненавидишь», «я тебя люблю», «я был неправ, я ухожу» и прочие драматические сюжеты. Взъерошенная Система мысленно пустила фейерверки и устроила безумные танцы, преклоняясь перед могуществом великого авторитета. Правда, в душе ей было немного жаль: эта система вообще-то хотела посмотреть совсем на другое... но разве можно было в этом признаться? Эх, ууу...

— То-то же. Взъерошенная, я смотрю, ты совсем от рук отбилась, раз захотела поглазеть на драму с участием твоего Господина.

Мелкая не смеет, Господин велик и могуч!

Если бы ее можно было увидеть в этот момент, то предстала бы презабавная картина: кругленькое яичко держит в ручках-крылышках два крошечных кулачка и отвечает поклоны.

— Ладно, свободна. Этому Господину нужно пообедать.

Слушаюсь, Господин! — Взъерошенная Система мгновенно умчалась прочь. Ура, наконец-то можно поиграть в игрушки! И пусть посмотреть на неприятности Господина не удалось, хорошо хоть игры меня не бросили.

Спустившись вниз, Цинь Моянь подошел к обеденному столу, одной рукой отодвинул стул, бережно усадил прижавшегося к нему юношу и велел подавать еду.

Слуги быстро, но без суеты накрыли стол и организованно удалились.

В мгновение ока в огромной гостиной остались только они двое. Посмотрев на мягкого, пушистого юношу рядом с собой, он спросил:

— Чего тебе хочется? Чжи Янь заявлял, что к этой роли он приспособился просто великолепно. С мягким, умильным голосом он сюсюкал: — Я же твоё сокровище, правда? Мм... ну тогда покорми меня, я хочу вот это.

— Ешь рыбу, хорошо. — Цинь Моянь думал о том, что этого человека удалось увидеть снова с таким трудом, разве можно было о нем не позаботиться?

Он тщательно, с предельной серьезностью вытащил из рыбы каждую косточку, а затем покормил юношу, который ждал еды, широко открыв рот.

Роскошная центральная больница города С.

Лу Моу изнервничался: почему Цинь Моянь до сих пор не пришел навестить его? Неужели он слишком занят? Нет, так дело не пойдет, надо привести себя в порядок и срочно возвращаться. Он велел позвать человека, чтобы тот вывез его на кресле из больницы, сел в машину и поспешил к месту, где жил Цинь Моянь.

За время неторопливой трапезы живот юноши заметно округлился. Цинь Моянь приложил широкую ладонь и мягко погладил его по животу: — Объелся, верно? Я же говорил есть поменьше, но ты не слушал.

— Но это было так вкусно! — запротестовал Чжи Янь.

Цинь Моянь протянул руку и легко щелкнул юношу по лбу: — Ах ты, ну просто пользуешься тем, что я тебя балую.

— Ой... больно! Разве ты не мой любимый? Ты меня обижаешь. — Юноша протянул руку, потрогал место удара и тут же скорчил жалостливую мордашку. — Хм, отлично, сейчас этот бог покажет тебе, как надо отыгрываться.

Только что он выглядел абсолютно довольным, а в мгновение ока превратился в несчастное создание, над которым кто-то поиздевался. Взъерошенная Система даже остолбенела от такого зрелища!

Вскоре кто-то в спешке добрался до места. Заметив приближающуюся издалека фигуру, Цинь Моянь наклонился, заключил юношу в объятия и стал ждать гостя, сохраняя этот балующий жест.

Лу Моу велел везти себя вперед, беспрепятственно вошел в гостиную и при виде мужчины — или женщины? — в объятиях Цинь Мояня растерялся. Почему лицо этой женщины так похоже на лицо его младшего брата? На его собственное лицо... Неужели замена?!

Подойдя ближе, Лу Моу потребовал у Цинь Мояня ответа: — Братец Моянь, кто «она»?

Цинь Моянь еще не успел раскрыть рта, как Взъерошенная Система подумала про себя: «Ишь ты, братец Моянь, надо же так ласково называть! Разве мое маленькое Мими — это то, что всяким тут позволено звать? Ну, погоди у меня». Чжи Янь выскочил вперед и выпалил:

— Ты еще кто такой? Не смей называть его братицем, он мой любимый!

Услышав этот голос, Лу Моу неуверенно произнес:

— Ли Цзюэжань.

Юноша с совершенно растерянным лицом повернулся к Цинь Мояню:

— Кто такой Ли Цзюэжань? Любимый, ты его знаешь?

Лу Моу внезапно запаниковал. Неужели всё раскрылось?

— Ли Цзюэжань, какого чёрта ты здесь... Нет, невозможно, ты... ты же не... мм-м!

Заметив, что ситуация принимает дурной оборот, Цинь Моянь тут же приказал телохранителям заткнуть Лу Моу рот.

Помешав ему продолжать болтать, охранники вышвырнули мужчину вон, а Цинь Моянь сурово

рявкнул на подчиненных:

— Если кто-нибудь еще посмеет самовольно впустить его сюда, все будете уволены!

Все присутствующие на мгновение вздрогнули, совершенно не понимая, почему за несколько дней разлуки отношение господина Циня к молодому господину из семьи Лу изменилось так кардинально, словно перед ними стоял совершенно другой человек.

Малыш-Чжи-Янь безупречно и с полной самоотдачей отыгрывал роль потерявшего память бедного несмышленища и наивной простоты. Он участливо спросил:

— Любимый, в чем дело? Почему ты мне не отвечаешь? И кто был тот человек? Почему ты прогнал его?

Цинь Моянь опустил голову и с интонацией, с какой обычно успокаивают детей, принялся нести чушь глядя на человека в своих объятиях:

— Не знаю такого. Тот человек... да, он болен. Точно, он болен, сбежал из больницы, понимаешь? Это тот самый тип, который должен был прийти и сменить тебе повязку. В следующий раз я с ним тебя познакомлю, вы ведь виделись в больнице, поэтому я попросил людей помочь отправить его обратно.

Еще чего не хватало! Если этот наговорит лишнего и его сокровище Мые Мые все вспомнит, разве ему самому не придется проходить через все круги ада в погоне за супругом?

Чжи Янь в душе безумно взбеленился: «К черту твоего больного! Разве я не знаю, болен Лу Моу или нет? Принял этого бога за дурака? Неужели я настолько легковесный? Ладно, вообще-то да».

Но своего милашку нужно баловать, бить его нельзя, поэтому он послушно кивнул, протянул две нежно-белые ручки, ухватился за одежду обнимавшего его человека и проворковал:

— Мм, у того человека была болячка, так что любимому нужно держаться от него подальше, а то заразишься.

Цинь Моянь погладил юношу по голове:

— Мое сокровище такое умное, уже научилось о мне заботиться. Словно глядя собаку, Чжи Янь протянул руку, сбросил со своей головы большую ладонь и принялся ерошить волосы мужчины. Цинь Моянь, видя движения юноши, даже не думал сопротивляться.

Он позволил ему играть со своими волосами и даже опустил голову, боясь, что юноша устанет тянуться. Когда на голове Цинь Мояня образовалось настоящее гнездо, Чжи Янь, вполне довольный результатом, обнял его и тихонько захихикал.

Цинь Моянь с вороньим гнездом на голове с нежностью посмотрел на смеющегося у него на груди юношу и ласково произнёс:

— Маленький проказник, шалишь?

На улице светило тёплое солнце и дул лёгкий приятный ветерок. Устав от проказ, юноша уснул прямо у него в объятиях.

Цинь Моянь не захотел выпускать юношу из рук и перенёс его в кабинет.

Жестом подозвав слугу, он взял плед, заботливо и бережно укутал юношу, после чего притянул к себе ноутбук и стал тихо похлопывать по клавишам, осторожно занимаясь делами.

Проснувшись, Чжи Янь обнаружил, что так и заснул на руках у Цинь Мояня, и немного смутился.

Почувствовав движение, погружённый в работу Цинь Моянь опустил взгляд и увидел юношу с румяными от сна щеками, который ещё не совсем очнулся ото сна.

Выглядел он до того мило, что Цинь Моянь просто не смог удержаться и поцеловал это очаровательное создание.

— Сокровище моё, ты проснулся? Проголодался?

Юноша погладил животик и послушно кивнул:

— Угу, проголодался.

Сбросив плед, он выбрался из объятий мужчины, схватил его за руку и рванул прямо на кухню, перепугав готовивших там поваров.

Цинь Моянь одним взглядом велел прислуге продолжать работу, после чего вывел юношу обратно и усадил за стол.

— Побудь умницей, подожди немного, скоро всё подадут.

Милый, очаровательный юноша послушно кивнул.

Однако в Пространстве сознания он в это время мёртвой хваткой вцепился в крылышки Взъерошенной Системы и выдёргивал из них перо за пером: «А-а-а, всё, сил моих больше нет, я больше не могу это изображать! Где сабля этого бога?! Он что, держит этого бога за фарфоровую куклу или за слабоумного ребёнка, который сам о себе позаботиться не может?!» — Ой... больно, господин, помилуйте! Ваше любимое цветолоне наверняка просто безумно любит вас! Это же источник счастья, благоухание цветов! — Для Взъерошенной Системы этот день снова выдался на редкость несчастным.

Под заботливой, предельно внимательной опекой Цинь Мойня, испытывая одновременно страдание, счастье и радость, Чжи Янь успешно пережил ещё один приём пищи и кое-как дотянул до вечера. Цинь Большой Серый Волк Мойня, закончив принимать ванну, увидел сидевшего на кровати послушного сокровища:

— Детка, давай я помогу тебе искупаться, м?

Не дожидаясь ответа, он потащил его внутрь и, пользуясь тем, что тот потерял память, наплел всякой всячины об их супружеских отношениях, заманив парня в ванную комнату.

Чжи Янь послушно подыгрывал, приняв вид «самого послушного в мире» ребёнка, а сам думал про себя: «Надеюсь, мой Сяобао сможет со всем этим справиться, когда придет время».

В ванной Цинь Мойня с предвкушением на лице постепенно сАдЕвали с юноши одежду, словно любуясь опадающими лепестками. В клубящемся тумане безупречно гладкая, словно отполированная нефритовая жемчужина, белая кожа юноши казалась особенно нежной и то проступала, то скрывалась. Глядя на это идеальное, прелестное тело и манящие изгибы, Цинь Мойня почувствовал жаркий прилив. Он приблизился к лобу юноши и легко подул на него, сохраняя невозмутимость и хладнокровие, полностью контролируя свои эмоции. Затем он быстро вытер парня насухо, завернул в полотенце и отнёс на кровать. Взяв аптечку, он заново перевязал раненый лоб, аккуратно наложив чистую марлю, уложил его обратно, укрыл одеялом и наказал:

— Сиди здесь смирно, скоро я приду и расскажу тебе сказку на ночь.

— Хорошо, только давай побыстрее, Мо-Мо.

Прождав несколько часов, Чжи Янь уже почти засыпал. Теребя Взъерошенную Систему и постукивая её, он мысленно сокрушался: «Вот же напасть! Заснуть — и то такая мука, какая ещё сказка на ночь? Этот бог по-твоему ребёнок, что ли?»

#Срочно спроси совет: что делать, если переродившийся Сяобао каждую секунду липнет к тебе и ни на шаг не отходит?#

Наконец Цинь Мойня вернулся. Наклонившись к самому уху юноши, он тихонько прошептал, и обжигающее дыхание опалило кожу, вызвав приятную щекотку:

— Детка, ты уже заснул?

Услышав это, юноша открыл глаза и тихонько пробормотал в ответ два слова:

— Ждал тебя.

Цинь Мойня тут же забрался на кровать, откинул одеяло и обнял согревшегося юношу. Тщательно укутав его так, чтобы не просочился ни единый сквозняк, он негромко начал:

— Жили-были два брата. После смерти родителей старшему достался бык, а младшему — собака. Бык старшего брата был ленив до ужаса — когда его тащили пахать поле, он упирался и отказывался идти. Увидев, что собака младшего брата помогает тому пахать землю, старший ужасно разозлился, и в его сердце зародилась зависть...

На этих словах во взгляде Цинь Мойня мелькнуло безграничное баловство, а голос стал мягким, точь-в-точь как когда баюкают детей:

— Ладно, на сегодня сказка закончена. Моей детке пора сладко спать. А кто не уснёт, того утащат страшные монстры!

Чжи Янь покрепче прижался к одеялу и робко произнес:

— Ничего подобного... Ты... ты врешь.

Цинь Мойня протянул руку и ущипнул за упругую, нежную щёчку своего сокровища, продолжая убаюкивать:

— Детка, как я могу тебе лгать? Если не лечь спать вовремя, то растеряешь всю красоту. А если моя детка перестанет быть красивой, тогда я от тебя откажусь.

Чжи Янь: «.....»

— Ха-ха-ха, господин, только посмотрите, он же обращается с вами как с маленьким ребёнком!
— Взъерошенная Система схватилась за живот и покатила со смеху, шерсть на её теле встала дыбом.

Услышав это, несчастный малыш, прижимавший к себе одеяло, испугался. Выставив наружу крошечный нежный палец, он по-детски пообещал:

— М-м... тогда я сейчас же засну. Ты... только не бросай меня, я буду очень послушным. А завтра ты продолжишь рассказывать мне сказку?

Цинь Мойня наклонился и поцеловал юношу в лоб — этот поцелуй был исполнен глубочайшего трепета. Словно ласковое бормотание, прозвучало в тишине:

— Обязательно, моя детка. А теперь пора спать.

Юноша послушно кивнул:

— Угу. — Весь его вид излучал крайнее послушание, и от этого Цинь Мойня полюбил его ещё сильнее.

Хотите узнать, что будет дальше? Слушайте продолжение в следующей главе! Ха-ха.

<http://bllate.org/book/22201/2314489>